

СОЦИАЛЬНО-РЕГУЛИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ МИФА О РОДОНАЧАЛЬНИЦЕ В ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

В. Б. Мусий

Одесский национальный университет

В статье рассматривается миф о нарушении воли родоначальницы. Это нарушение представлено в произведениях литературы XIX века как попытка восстановить связь с коллективом. Результат подобного поступка определяется в каждом произведении авторской концепцией действительности, а также индивидуальными качествами героев.

Ключевые слова: миф, индивидуальные качества, авторская концепция

У статті розглядається міф про порушення волі засновниці. Це порушення подано в творах літератури XIX ст., як спроба відновити зв'язок з колективом. Результат цього вчинка визначається в кожному творі авторською концепцією дійсності, а також індивідуальними якостями героїв.

Ключові слова: міф, авторська концепція, індивідуальні якості

The article considers myth about ancestor's will infringement. This infringement presents in literature of XIX-th century as hero's attempt to return harmony with people. The result of such act is been connected with author's conception and hero's individual traits.

Key words: myth, individual traits, author's conception

В статье поставлена *проблема* отражения в литературе XIX века процесса пробуждения самосознания личности в связи с кризисом патриархальности. Осмысление человеком права на индивидуальный выбор поведения часто ведет к нарушению им тех моделей поведения, которые являются традиционными для среды. Обратившись к произведениям, в которых мотив нарушения воли родоначальницы является структурообразующим, автор попытался определить, как оценивается подобное нарушение героем и как это позволяет выявить авторскую концепцию действительности. *Связь статьи с научными и практическими заданиями, степень изученности материала.* Одной из ведущих задач современной науки (это касается и психологии, и культурологии, и филологии) является исследование мифологического типа мировосприятия.

В этом направлении работают, в частности, Донцов А.И., Баксанский О.Е. Д.П.Паншина, Е.Я.Режабек [1]. В предлагаемой статье предпринята попытка приложить наблюдения о процессе мифотворчества и особенностях мифомышления к нескольким художественным произведениям.

О некоторых уже высказаны авторитетные мнения в литературоведении: к примеру, о «Лафертовской маковнице» Ант.Погорельского или же «Киевских ведьмах» О.М. Сомова [2], другие («Влюбленный черт» О. Стороженко, «Одержимый инвалид в форте Рагоно»

А.фон Арнима) не нашли пока места в работах литературоведов. Не были ранее эти произведения и соотнесены одно с другим. Между тем компаративный анализ, когда выделяются определенные доминанты, сближающие произведения разных авторов, представляющих разные литературы, позволяет судить не только об особенностях поэтики каждого из них, но и об определенных закономерностях развития литературного процесса. *Цели и задачи статьи:* выделить архетип мотива посвящения героинь исследуемых произведений в ведьмы, роль этого мотива в сюжете произведений, установить связь характера реализации этого мотива с авторской концепцией действительности в каждом из них.

Одним из ведущих признаков культуры является отношение к мифу. При этом, как отмечает Л.А.Софронова, наличие в художественном произведении «древних мифологем, реликтов народных представлений о мире может быть следствием как осознанного, так и бессознательного обращения к народной культуре», но всегда «свидетельствует об их жизненной активности, о вневременном вхождении в культурную память» [8, с.50]. Литература эпохи начала XIX века характеризуется осознанным интересом к мифологии, ремифологизацией. Причем художники не только обращались к тем архетипическим образам и ситуациям, которые были зафиксированы в мифах и отражали архаическое состояние мира, но и сами творили мифы на основе тех структур, которые присущи традиционной мифологии. При этом миф, введенный в ткань художественного текста, сохранял свои ведущие функции. Одной из них, изначально присущей мифу, является социально-регулятивная. Как отметил Ф.Кликс, исследовавший архаическое мышление, его формирование во многом было обусловлено необходимостью организации совместной жизни. «Отождествление индивида с родовыми правилами создает сеть социальных связей.

С дифференциацией разделения труда интересы отдельных членов племени расходятся... Поэтому для противодействия индивидуалистическим тенденциям создается различная контрмотивация, в том числе и основанная на эмоциях страха» [5, с.155].

Эпоха начала XIX века – это время новой истории человечества, когда индивидуальное начало уже осознано личностью (как в странах Западной Европы), или же начался процесс его активного пробуждения (как, к примеру, в России) в связи с тем, что человек непосредственно встречается с историей и начинает осознавать свое право на индивидуальный выбор, на возможность успеха даже в том случае, если он, не полагаясь на

традиционные предписания, примет самостоятельное решение. «Выламывание из среды» уже перестает оцениваться как непремный путь к гибели. Какую же роль в таких обстоятельствах может играть миф как одна из разновидностей духовно-практического, а точнее «культово-регулятивного», по выражению И.Т.Касавина, знания? Ведь центральным элементом этого типа знания является «формулировка и демонстрация обобщенных образцов поведения и мышления, для чего избираются не абстрактно-понятийные средства, но наглядно-образные...» [4, с.23-24]. Как представляется, в новую эпоху расцвета индивидуальности, с усложнением в обществе системы нравственных оценок, а также осмыслением личностью противоречивости этой системы, для человека оказывается возможным выработать принципиально новый характер поведения в традиционной ситуации. Попытаемся продемонстрировать это на примере нескольких повестей, которые основаны на мотиве нарушения воли родоначальницы. В них героине навязывается связь с инфернальным (то есть осквернение). Поэтому она пытается противиться этой связи для того, чтобы восстановить естественную связь с коллективом.

На мотиве отказа беспрекословно подчиниться воле родоначальницы строится первая в русской литературе, считающаяся фантастической, повесть Антония Погорельского «Лафертовская маковница» (1825). Тетка скромного почтальона Онуфрича, лишь для отвода глаз торговавшая маковниками, а на самом деле занимавшаяся колдовством, заботится о будущем материальном благополучии своей внучки Маши и поэтому решает передать ей свой дар ведовства. Однако это противоречит воле отца девушки Онуфрича, в свое время попытавшегося вернуть тетку на христианский путь и из-за этого рассорившегося с ней. Но у маковницы есть союзник – это Ивановна, жена Онуфрича, готовая на компромисс вплоть до сговора с дьяволом, ради того чтобы выгодно выдать дочь замуж. Как видим, основой противоречия становится вторжение в патриархально-идиллический мир простых людей несвойственной ему меркантильности.

В связи с этим героиня рассказа Маша оказывается перед нравственным выбором. Поскольку она воспитана в патриархальном духе и в ней не развито сознание индивидуальности, ей пока что не доступна мысль о праве на принятие самостоятельного решения. Маше приходится выбирать между поведением матери и позицией отца. По существу, для нее это выбор собственного будущего. Ей нравится влюбленный в нее приказчик Ульян, но она и не думает о том, чтобы стать его женой без благословения родителей. У тех же по отношению к замужеству Маши свои планы. Ивановна хочет, чтобы Маша вышла замуж за похожего на кота престарелого титулярного советника Аристарха Фалалаевича Мурлыкина, хотя тот и вызывает у девушки не только отвращение, но даже мистический страх. Онуфрич же, выше всего ценящий связи между людьми, имеет на примете сына своего давнего приятеля, богатого купца.

Подчинившись поначалу матери, героиня теперь ощущает вину перед отцом и потому починается его воле. И здесь оказывается, что они с отцом выбрали одного и того же человека – сына купца Ульяна. То есть за несколько дней до сватовства Маша повстречала и полюбила своего будущего мужа. Счастливый финал оказался возможным потому, что нравственное было оценено героиней выше материального.

Значение сделанного героиней выбора подчеркивается фантастическим аспектом повести. В ней соединяется несколько мифологических мотивов. Они связаны с образом *родоначальницы*, широко распространенным в фантастических произведениях. В данном случае родоначальница выступает как ведьма. Чувствуя приближение смерти, она решает сделать своей наследницей внучку и подвергает ее *инициации* – посвящению в ведьмы. Но переходный обряд должен был быть завершен позже, после того, как Маша стала бы женой того, кто явился ей во время гадания. Явился же ей бабушкин черный кот, которого все считали «нечистым духом». Во время гадания, случайно бросив на него взгляд, Маша увидела, что на нем «зеленый мундирный сюртук...» [6, с.110]. Напуганная всем тем, что происходило ночью в бабушкином доме, девушка потеряла сознание. Но это не освободило ее от связи со сверхъестественным. В этом же облике чиновника кот явился в дом Онуфрича свататься.

Таким образом, та инициация, которой должна была подвергнуться по воле родоначальницы-ведьмы девушка, оценивается с точки зрения христианской религии как осквернение, поскольку означает брак с демоническим существом. Мифологическим архетипом этого мотива в повести является традиционный для первобытных племен ритуал *посвящения девушки тотемному предку*. Не потому ли Мурлыкин назван именем Аристарх, состоящим из двух корней, «лучший» и «повелитель, руководитель» и употреблявшимся в качестве одного из эпитетов Зевса? [10, с.153].

Мифологическое представление о возможности превращения девушки в ведьму против ее воли составляет основу и ряда других произведений, в частности, повестей О.М. Сомова «Киевские ведьмы», О. Стороженко «Влюбленный черт». Мотив овладения демоном как результата проклятия матерью роднит с ними «Одержимого инвалида в форте Ратоно» А.фон Арнима. Судьбы Розалии и Одарки во многом близки. Обе рано остались без отцов, матери обеих попытались как-то устроить свою судьбу и при этом нарушили нравственные заповеди: мать Розалии часто приводила в дом мужчин, которые вели себя довольно фамильярно, а мать Одарки, покинутая Федором, с которым она утешилась после гибели мужа, и вовсе стала ведьмой, от которой отгородились в страхе все жители слободы. Причем обе женщины пытались защитить дочерей от осквернения, но обе же и стали виновницами их беды, отчуждения от коллектива. Мечтательница Розалия была проклята матерью после того, как проявила внимание к раненому Франкеру: накормила его горячим супом, добила, чтобы его устроили поудобнее в повозке. «Взгляд его повеселел – он клялся, что у меня вокруг головы сияющий нимб, как у святых», – вспоминает она [3, с. 171]. Мать же скорее всего напуганная тем, что ее дочь ждет та же судьба, что и ее, попыталась заставить ее оставить этого раненого, но при этом повела себя так, что мифологически мыслящая девушка (а тождество реального и идеального, как известно, характерная черта этого типа мышления)

восприняла грубые слова матери как силу, подчинившую ее дьяволу. Ей показалось, что изо рта матери, произносившей слова проклятия, вырвалось пламя, «она закатила глаза, видны были только белки; призывая на мою голову дьявола, она торжественно предала меня анафеме. И подобно тому, – рассказывает героиня, – как утром, когда я увидела Франкера, мне показалось, будто глаза мои озарил светлый луч, так теперь мне почудилось, будто черная летучая мышь прикрыла мне глаза своими прозрачными крыльями; мир был полузакрыт от меня, мною владела уже не только я одна» [3, с.172]. Что же касается Одарки, то она решила подсмотреть за матерью и за это была проклята, превращена в ведьму: «Мамо, що ти робиш?» – А вона, як пtiця з підбитим крилом, так і вдарилась на землю та мене за косу. «А, неслухняна дитино! – закричала не своїм голосом. – Підглядажувати? Не будеш же мене корити, я з тебе таку ж зроблю відьму, як і сама!» [9, с.64]. О мотивах, побудивших мать Катрусы сделать ее ведьмой, в повести О.М. Сомова не сообщается. Но и с героиней «Киевских ведьм» это произошло против ее воли.

Каждая из девушек попыталась освободиться от злых чар. Катруся надеялась, что ей удастся отмолить свой грех и вернуться к естественным связям с людьми, и в первую очередь с мужем, бравым казаком Федором Блискавкой. Но ее судьба складывается трагически. Она погибает и во многом по вине своего мужа. Сам не желая этого, Федор, попытавшись проникнуть в тайну своей жены без ее на то согласия, погубил ее. Здесь нужно вспомнить об авторской концепции действительности. С точки зрения предромантика О.М. Сомова, основой благополучия мира должны быть связи между людьми, в первую очередь, национальные. Но люди отчуждены друг от друга. Часто они сами пытаются разрушить разделившие их границы. Но при этом нарушают право близкого человека на суверенность его внутреннего мира. Это нарушение приравнивается к нарушению табу и всегда ведет к беде. Поэтому в произведениях О.М. Сомова мотив непреодолимости границ, разделяющих людей в из-за этого неблагоприятном для них мире, является одним из ведущих. Догадавшись о том, что Катруся и ее мать Ланцюжиха являются ведьмами, Федор решает отправиться вслед за ними на шабаш, чтобы убедиться в правильности своей страшной догадки. В сцене шабаша ярче всего передается противоречивость состояния, переживаемого героиней. Находясь во власти сверхъестественной силы, Катруся-ведьма бросается искать человека, чтобы расправиться с ним. Узнав же Федора, она проявляет себя и как любящая его жена. Человечность, оказавшаяся в ней в это мгновение сильнее, заставляет Катрусю спасти Федора. Но она себе не принадлежит и не может поступать всегда только по собственной воле. По ее словам, злая доля развела их и в земном и в загробном мире. Она рассказывает, как против воли, подчинившись матери, стала ведьмой, как мечтала отмолить грех и преодолеть таким образом границу, разделившую ее не только с мужем, но со всеми людьми, и как не успела сделать это по вине Федора, поторопившегося проникнуть в ее тайну. Повесть заканчивается сообщением о гибели обоих героев.

Судьба героинь Стороженко и Арнима складывается более благополучно, так как их возлюбленные приходят к ним на помощь, и любви удается победить все препятствия, как реальные, так и сверхъестественные. Структурообразующим для повести О. Стороженко «Влюбленный черт» является приобретающий фантастический характер мотив очищения души Одарки полюбившим ее запорожцем. Это обусловлено, в первую очередь, тем, что пафос творчества этого украинского писателя имел прежде всего этический характер и заключался в требовании моральной чистоты, основой которой ему представлялись патриархальность, любовь к своему народу и человечность. Представление же о разделении людей непреодолимыми границами, как у О.М. Сомова, у О. Стороженко отсутствовало. Поэтому герои О. Стороженко легко находят общий язык: Одарка исповедует Кириллу и полностью доверяется ему. Она поступает так потому, что узнает в нем настоящего запорожца. Влюбленный в нее черт поясняет Одарке, что в свете нет более чистой души, чем у этих «гаспедових синів»: живут они по писанию, с женщинами не водятся, борются с басурманами и защищают православную веру. А потом рассказывает, что и пекло казакам не страшно: они его один раз чуть не спалили. Безусловно, душевная чистота, присущая герою-запорожцу, не исключает хитрости. Он обманывает простодушного черта и заключает невыгодную для того сделку. Да и Одарке он помогает не только потому, что этого требует от него долг христианина. И все же он сознает свою вину перед соперником и искренне жалеет, когда того разрывают другие черты за то, что он согласился на спасение молодой ведьмы.

Для понимания авторской концепции важно то обрамление рассказа о влюбленном черте, в котором создается образ Украины, утверждается высокий художественный дар украинского народа, сформированного в единстве с прекрасной живописной природой. В начале повести упоминается «батько наш» Квитко-Основ'яненко, сотворивший себе своими сочинениями вечный «човен» для плавания по реке Лете, а в конце возникает собирательный образ украинского народа, согретого горячим южным солнцем и навевающего воображению поэзию чар.

Как и упоминавшиеся в статье «Лафертовская маковница», «Киевские ведьмы», повесть О. Стороженко основана на *мифе о чудесной родоначальнице*. Рассказывает его потомок запорожца и бывшей ведьмы, заставший в молодости свободную жизнь казачества, бывший и сам казаком. Но миф принципиальным образом трансформируется украинским романтиком: нарушение воли матери ведет к беде, но эта беда обратима, поскольку сильнее воли ведьмы оказываются единство христиан, любовь.

В еще большей степени эта трансформация проявляется в повести А.фон Арнима. Фантастика в ней имеет неявный характер, и все загадочное может быть мотивировано как освобождением от власти дьявола, так и физическим излечиванием раненого в голову Франкера. После тех испытаний, через которые прошли любящие друг друга Розалия и ее муж, после того как из нагноившейся раны в голове Франкера вышел осколок, «одержимость» или же проявление болезни оставляют героя, и между ним и Розалией наконец устанавливается

согласие. Таким образом, выше дьявольских сил – верность, цельность души человека и способность его самоотверженно любить. «Ах, благодать сильней проклятья, сильнее дьявола любовь», – такие строки завершают повесть немецкого романтика А.фон Арнима [3, с.189].

Как видим, во всех произведениях, которые были привлечены к анализу, структурообразующим является мотив попытки родоначальницы определить судьбу своей наследницы. Каждый раз воля родоначальницы была нарушена, и героини попытались изменить свою судьбу. Эта попытка была оправдана тем, что подчинение воле бабушки (матери)-ведьмы несло героиням отчуждение от окружающих, а потому осквернение и душевную гибель. Итог же попытки освободиться от наложенных злых чар определился, в конечном итоге, как личностными качествами героев, так и авторской концепцией действительности.

Литература:

1. Донцов А.И., Баксанский О.Е. Схемы понимания и объяснения физической реальности // Вопросы философии. – 1998. – № 11; Кириченко О., Пахаренко В. Міфічні й номинативні доміанти у зміні культурних епох // Слово і час. – 1999. – № 11; Паншина Д.П. Особенности мифопоэтического мировосприятия и «закон участного внимания» как проявление причинности взаимодействия героев мифа // Мир психологии. – 2000. – № 3; Режабек Е.Я. Становление мифологического сознания и его когнитивности // Вопросы философии. – 2002. – № 1.
2. Ботникова А.Б. Э.Т.Гофман и русская литература (первая половина XIX века). – Воронеж, 1977; Измайлов Н.В. Фантастическая повесть // Русская повесть XIX века. – Л., 1937. – С.134-169; Александров А.В. Русский романтический рассказ. – Одесса, 2000.; Кирилук З.В. О.Сомов – критик та белетрист пушкінської епохи. – К., 1965.
3. Арним А. Одержимый инвалид в форте Ратоно // Избранная проза немецких романтиков: В 2 т. – М., 1979. – Т.2. – С.169-189.
4. Касавин И.Т. Постигая многообразие разума // Заблуждающийся разум. Многообразие научного знания. – М., 1990. – С.5-29.
5. Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта. – М., 1983.
6. Погорельский Ант. Избранное. – М., 1985.
7. Сомов Орест. Купалов вечер. – К., 1991. – С. 96-109.
8. Софронова Л.А. Еще раз о проблемах истории культуры // Современное славяноведение. – 1990. – № 2. – С.44-52.
9. Стороженко О. Закоханий чорт. – К., 2001.
10. Суперанская А.В. Имя через века и страны. -М., 1990.